

Н. Ф. Яковлев о происхождении и развитии фонемы

Источник: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. С. 318–323.

Подготовка к публикации А. Е. Сапожинской
(грант РФФИ № 16-18-02042)

<с. 317> **Звуковой тип корня и аффикса.** <...> <с. 318> ...есть основание полагать, что древнейший тип кабардино-черкесского корня первоначально состоял только из одного согласного и одного краткого гласного (примеры см. ниже<в оригинале опечатка: выше>, стр. 320).

Так как значительная часть кабардино-черкесских аффиксов состоит тоже из согласного и краткого гласного, т. е. представляет собой тот же звуковой тип, что и простейшие корни, то наш вывод о близкой исторической связи между кабардино-черкесскими корнями и аффиксами подтверждается и со звуковой (фонетической) стороны. Древнейший корень-слог превращался сначала в слог-аффикс словообразования или словоизменения, а затем как в корнях, так и в аффиксах, благодаря их внутреннему расчленению на значимые части (см. стр. 270–271), выделялись согласный и гласный как отдельные семы. Благодаря выделению отдельных звуков как значимых частей слова и появляется звук-фонема, впоследствии отрывающаяся от непосредственного выражения отдельных значений. Сема-слог исторически превращается в сему-звук, а сема-звук — в звукофонему.

<с. 318> **Происхождение и развитие фонемы.** Итак, фонемы появляются в языке не сразу. Появление звукофонем есть результат развития формальных значений. Деление первичных слов на семы и возникновение сложных слов и оформленных слов представляет собой грамматическую основу, на которую опирается развитие фонем. Следовательно, история фонемы есть в то же время история грамматического строя языка. На заре человечества в аморфном языке звуков-предложений (как и позднее в языке аморфного строя) слов еще не было, и не могло быть фонем, но уже были звуки. Иными словами, в это время целое предложение было одновременно и единым нерасчлененным звуком, единой диффузной слогафонемой, и отличным от других звукослогом или повторением таких звукослогов. Для того чтобы развились новые звукопредложения, необходимо было развить новые звуки. Развитие предложений превращалось одновременно в развитие звуков. Звуки-предложения сопровождались поясняющими их мимопластическими движениями, например кивком или покачиванием головы, движением рук и т. д., но речь человека в те времена остается еще нечленораздельной. Она, как и мысль, развивается лишь в процессе совместного труда, как средство его облегчения и ускорения. Происходит это в эпоху обезьяночеловека (питекантропа). От этого периода во всех

языках сохранились лишь некоторые видоизмененные остатки, по которым можно составить себе представление о зачаточной эпохе развития человеческого языка. Отдельные пережитки звуков-предложе-[<с. 319>](#)ний сохранились и в кабардинском (ср. звук прищелкивания языком в значении «нет», тот же звук, повторяемый несколько раз для выражения удивления или сожаления, *ылы(н)* ‘да’ и др., см. еще Морфологию, стр. 120–121). Звуки, из которых состоят эти единичные пережитки языка криков-предложений, еще не являются фонемами, звуками речи в собственном смысле слова. В современной речи они остаются как бы чужеродными в звуковом отношении телами. Поэтому их с полным правом не считают фонемами данного языка и для них обычно не находится обозначений в принятом алфавите.

В дальнейшем, на основе развития общества обогащение речи новыми звукопредложениями перестает поспевать за обогащением жизни на основе материальной деятельности людей и развивается новый способ образования предложений. По два звукопредложения начинают соединяться в одно предложение и — обратная сторона того же процесса — единый звук-предложение распадается внутри себя на отдельные звуки-понятия. Так впервые возникают в языке слова, и речь человека становится членораздельной. Происходит это в эпоху древнего человека (палеантропа) на основе самого примитивного т. наз. естественного разделения труда, когда впервые возникает потребность называть продукты труда, непосредственно не производимые мужчинами или женщинами. Тогда речь начинает звучать не только в процессе труда, но и в ходе естественного обмена его продуктами. Однако слово в эту эпоху остается еще аморфным (бесформенным), нерасчлененным внутри себя звукослогом-словом подобно тому, как и по содержанию оно остается смутным, неразвитым, нерасчлененным понятием. Аморфное слово в начале первобытно-общинного строя, когда впервые возникает аморфный строй речи, еще равняется единой слогофонеме, хотя предложение и выделяет уже внутри себя слово. Но в эту эпоху еще нет и не может быть такой заметной грани между предложением и словом, как в современных языках. Предложение легко превращается в слово, а слово легко переходит в предложение. В эту эпоху аморфного строя речи еще нет ни морфологии, ни частей речи. Существуют только члены предложения. Из разделов грамматики имеется лишь синтаксис. Из способов грамматического оформления слов существуют лишь их интонация, их порядок, различные способы синтаксического ударения (удвоение слов, удвоение звуков, усиление или повышение голоса и т. д.). Слово здесь представляет собой еще единый звукослог-фонему и единую сему. Слово равно слогу, еще не расчлененному на согласный и гласный звуки. Каждое слово представляло собой особый, отличный от других слов единый звукослог. Для того чтобы развить новое слово в эту эпоху (аморфного слова) требовалось развить в

языке новый звук. Пережитками данной эпохи (уже значительно измененными и перестроенными, как и все архаические остатки в современных языках) и являются первичные слова-корни кабардино-черкесского, адыгейского, абхазского и других кавказских яфетических языков (см. выше Лексику, стр. 229–230). Уже к концу эпохи древнего человека (неандертальский человек) появляются сложные орудия, состоявшие из наконечника и древка. На этой основе в мышлении человека развивается способность синтеза и анализа и складывается расчлененное понятие. В языке неантропа впервые начинает развиваться слияние двух или нескольких первичных слов-корней в одно сложное слово и одновременно расчленение первичного слова-корня внутри себя на две или несколько сем. Так возникает в языке новая грамматическая форма — сема. Но сема остается еще нерасчлененной внутри себя слогофонемой. Деление на слоги здесь еще совпадает с делением на семы. Пережитки этого состояния — силлабический строй речи — мы находим во многих языках (из яфетических — в ахвахском, частично в аварском и многих <с. 320> других). В то же время на основе этого появляется и выделение внутри единого слова-корня согласных и гласных звуков. Однако эти звуки еще не являются фонемами. Они выделяются в связи с необходимостью определить границы слова. В таких языках, как прототип кабардино-черкесского, согласный звук выделяется лишь как типичное начало слова, а гласный — как типичный его конец. Поэтому кабардино-черкесские первичные слова-корни начинаются на согласный и оканчиваются на гласный звук. Такой же звуковой строй первичных слов-корней характерен и для многих других языков (например, суданских в Африке, многих американо-индейских и др.). Но в некоторых языках могло быть и по-иному — гласный звук мог выделяться как начало слова, а согласный — как его конец. Это мы находим в таких языках, как кумыкский, ойротский и другие тюрко-татарские, где слова-корни, состоящие из одного гласного и одного согласного, представляют собой простейший закрытослоговый тип слов-корней, причем из них можно составить целый словарь, насчитывающий до сотни первичных слов-корней (ср. кумык. *ат* ‘лошадь’, *ит* ‘собака’, *акъ* ‘белый’, *ал* ‘возьми’ и т. д.). Это стоит видимо в связи с иным способом деления на слоги, свойственным тюрко-татарским языкам. Таким образом, на данной ступени развития речи обогащение словаря происходит не только новым способом сложения первичных слов-корней, но и старым способом — путем видоизменения (модификации) звуков в составе первичного корня. Например, развитие звонких и глухих согласных, развитие различных звуков типа *x* в кабардино-черкесском языке могло происходить именно этим путем, как показывают следующие примеры:

гу ‘сердце’
лы ‘мясо, тело’
тхъы ‘царапай;
позднее: обдирай
кукурузные початки’

ку ‘сердцевина, середина’
лъы ‘кровь’
тхы ‘крюк остроги; чертѣ;
позднее: пиши и т. д.¹’

Эти и им подобные примеры служат доказательством того, что в основе развития звуков, еще до выделения фонем, лежало развитие значений. Развитие слов-понятий было причиной дальнейшей дифференциации как согласных, так и гласных звуков. Современное богатство звуков в кавказских языках было результатом развития слов-понятий.

В эту же эпоху, наряду со сложением корней, появляются и первые зачатки сем с формальным значением. Аффиксы появляются раньше морфологии, т. е. раньше деления на части речи и словоизменения. Поэтому древнейшие аффиксы, присоединяясь к любому слову, независимо от его роли в предложении, оказываются впоследствии одинаковыми или сходными при столь различных, мы бы сказали, столь противоположных частях речи, как имя и глагол. Таковы уже приводившиеся нами древние именные словообразовательные аффиксы, полностью совпадающие <с. 321> с глагольными личными аффиксами (ср. *nI-*, *б-*, *п-*; *ма* || *мэ-* при именах и те же префиксы при глаголах, употребляемые в качестве личных префиксов, ср. притяжательные местоимения, см. выше стр. 273–274), чередование кратких гласных *ы* — *э* в различных частях речи (см. стр. 271), совпадение окончания множественного числа *-хэ* в именах и глаголах и т. д. Это явление (полное совпадение или сходство аффиксов склонения и спряжения, словообразовательных именных и глагольных аффиксов и т. д.) наблюдается в большом количестве языков (из яфетических, например, в аварском, из угро-финских — в языке коми и многих других). Оно служит доказательством того, что до разграничения современных частей речи уже

¹ Аналогичные примеры развития звуков на основе развития значений можно найти во многих языках. Таков факт раздвоения одних и тех же слов на твердую и мягкую их разновидность в монгольском (отмечено академиком Владимирцевым в грамматике монгольского языка <Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Введение и фонетика. Ленинград, 1929, с. 126–131> и в некоторых тюрко-татарских языках, например в казахском, из угро-финских — в горно-марийском (ср. *уй* ‘верба (дикорастущая)’ — *уйй* ‘талы, искусственно посаженная верба’) и т. д. Все эти примеры говорят об одном: не развитие звуков лежит в основе развития слов, а наоборот, развитие мышления, развитие слов-понятий и их формальных значений лежало в древнейшую эпоху истории языка в основе развития звуков, развитие же самих слов-понятий (как это мы постарались показать в первой части работы) как и речи в целом, основано на истории развития общества и в конечном итоге на развитии производительных сил и производственных отношений.

появилась морфология, появился морфологический состав слова.

В ту же эпоху, одновременно с первыми формативами, впервые появляются в языке и отдельные звуки, но лишь на основе того, что формальная сема (аффикс) и реальная сема (корень) впервые выделились как части слога — как отдельный гласный или согласный звуки. Слог-сема (слог-корень или слог-форматив) впервые разложилась внутри себя на две или несколько сем-звуков. Деление на слоги впервые отделилось от деления на семы. Слогоразделы перестали совпадать с делением на семы. Это и положило начало выделению фонетики как особого самостоятельного отдела в общем строе языка. Несовпадение сематического деления и деления чисто фонетического, т. е. несовпадение границ значимых частей слова и слоговых границ, положило начало выделению отдельных звуков внутри слога и слова. Слоговой силлабический строй языка начинает сменяться звукофонематическим (т. е. фонетическим в собственном смысле слова) строем, и тем подготавливается переход к языкам нового строя — к флективным языкам. Примеры этого рода можно наблюдать в большом количестве в кабардино-черкесском языке. Возьмем примеры, которые мы уже разбирали в начале раздела семантики (см. стр. 236–237). Мы уже отмечали там, что, несмотря на несовпадение слоговых и тематических границ, в словах древнего кабардино-черкесского происхождения не бывает случаев, чтобы деление на слоги противоречило делению на семы. Это значит, что в кабардино-черкесских словах один слог может состоять из нескольких целых сем и, наоборот, одна сема может равняться двум или нескольким целым слогам. Но невозможно еще такое положение, чтобы одна исторически единая сема оказалась внутри себя разъединенной на два слога. Деление на слоги здесь всегда еще совпадает с каким-нибудь делением на семы. Так, в слове *у-/лЫ-/жЪЫ-фI-и* ‘ты старик хороший (есть)’ в последний слог входят три семы целиком. Два слогораздела совпадают с двумя делениями на семы. Внутри какой-либо из сем ни один слогораздел не проходит. В слове *у-/с-тх-à-и* ‘я записал тебя’ единственный слогораздел совпадает с одним из делений на семы. Четыре последние семы целиком входят в один второй слог. Даже в слове *со-/лъà-/гъу-р* ‘я вижу’, где на первый взгляд корневая сема *лъагъу* ‘видь’ делится слогоразделом на две части и конечный согласный *гъу* отрывается во второй слог, мы исторически не имеем такого отрыва. Как показывает сравнение со словом *лъагъуэ* ‘тропинка’, глагольный корень исторически составил здесь из двух сем: *лъэ* ‘ступня, след’ и *гъуэ* || *гъу* ‘сушись, сохни’ (в данном случае: ‘сухой, т. е. старый след’)². Итак, слогораздел, идущий как бы в середине современного корня *лъагъу*, на деле совпадает с историческим делением его на семы, так как этот корень есть продукт слияния двух корневых сем: *лъэ* и *гъу*.

² Таким образом, «видеть» ← «следить» ← «идти по следу».

Другое дело, когда мы имеем в кабардино-черкесском языке слова, <с. 322>, усвоенные из иных языков (тюрко-татарских, персидского, арабского и русского). Так как корневая сема в этих языках может состоять из закрытого слога, который далее не может быть разложен ни на какие семы, то деление на слоги при присоединении к такому корню кабардино-черкесских окончаний или суффиксов обязательно отрывает от корня конечный согласный и включает его в один слог с окончанием. В этом случае деление на слоги вступает в прямое противоречие о делением на семы, ср.

топ ‘пушка’ (турецк. <top>) — *то/п-ы-р* — *то-/п-ы-м* и т. д.,
сурэт ‘рисунок, изображение’ (араб. <صُورَةٌ ‘вид, образ; картина, изображение’>) — *су/рэ/т-ыр* — *су/рэ/т-ы-м*,
сом ‘рубль’ (итал. <somma ‘сложение; сумма’>*) — *со/м-ы-р*,
со/м-ы-м, *стол* (рус.) — *сто/л-ы-р* — *сто/л-ы-м* и т. д.

В этих словах мы видим, что не только деление на слоги противоречит делению на семы, но и гласный, предшествующий окончанию, являвшийся в кабардино-черкесских словах корневым гласным (гласным основы), превращается в гласный окончания («соединительный гласный»). Противоречие между делением на слоги и делением на семы характерно для флективного строя языков. Эти языки (например, русский и другие индо-европейские, арабский и пр.) отличаются так называемой флексией основ. Это значит, что в языках флективного строя при словоизменении происходит изменение не только окончания, но и самой основы (в современном русском языке флексия основ характерна для спряжения, например: *пе/к-у* — *пе/ч-ешь*, *ле/ч-у* — *ле/т-ишь* и т. д.). Противоречие между делением на слоги и на семы как раз и есть то предварительное условие, которое создает возможность флексии основ в индо-европейских языках. Оно отрывает последний согласный основы от нее и объединяет его в один слог с гласным, входящим в состав окончания. Благодаря облегчению фонетического влияния этого гласного на предшествующий конечный согласный основы в границах того же слога, этот согласный подвергается различным фонетическим изменениям, и таким образом возникает флексия основ. До тех же пор, пока каждый слогораздел совпадал с делением на семы, пока сема была равна слогу, флексия основ оставалась невозможной. Такие языки, как кабардино-черкесский, представляют собой промежуточную стадию, когда силлабический строй уже отжил свой век, но деление на слоги в подавляющем большинстве случаев еще не противоречит делению на семы и, таким образом, еще не создано условий для развития флексии основ.

Что первоначально кабардино-черкесский язык являлся языком

* А. К. Шагиrow (Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. II — I. Москва, 1977. С. 62–63) называет такую этимологию неверной и считает, что слово имеет тюркское происхождение. — А. С.

силлабического строя, т. е. таким, в котором каждая сема была равна слогу (в кабардинском — открытому), видно хотя бы из того, что в кабардиночеркесском языке и до сих пор сохранились в одном-двух случаях слогофонемы (другое доказательство — это обычное деление сложных основ на семы типа открытого слога, см. выше, стр. 319–320). В то время как благодаря отпадению безударного краткого гласного *ы* в конце слова в этом языке появились основы, оканчивающиеся на любой согласный, один согласный — *l* — сохранился и до сих пор в положении только перед краткими гласными *э* или *ы* и не может стоять в конце слова. Следовательно, слог *lэ*, который в то же время является по происхождению и семой (от слова-понятия *lэ* ‘кисть руки, рука [коснись рукой, держи]’, см. стр. 240, 283), собственно не достиг еще той степени фонетического развития, на которой стоят другие слова-корни первичного типа в кабардинском языке. Во всех других случаях согласные выделены тем, что могут стоять не только перед гласными, но и после них в пределах того же слога, а в слогe *lэ* согласный и гласный элементы, собственно, еще представляют собой единую слогофонему, звуковая последовательность внутри которой еще не может быть нарушена.

Итак, кабардино-черкесский язык в его современном состоянии также и в фонетическом отношении есть язык переходный от стадии инкорпорации к стадии флективной. Эту переходную стадию изживания инкорпорации и превращения в новый строй мы и назвали полисинтетической.